О.В. Игнатьева

СОВЕТСКОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье представлена история советского коллекционирования в контексте идей и практик культурной революции. На основе широкого круга источников рассматриваются основные этапы и формы советского коллекционирования, выявляются его новые смыслы. Установлено, что в советское время сформировался идеал социалистического коллекционирования как познавательного и воспитательного досуга. По мнению автора, главное противоречие коллекционирования в эту эпоху состояло в том, что оно, будучи объектом контроля со стороны государства, оставалось для коллекционеров единственной формой индивидуального выбора и свободы.

Ключевые слова: Советская Россия, культурная революция, частное коллекционирование, практики коллекционирования, филателия

Soviet collecting in the context of the cultural revolution. OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State University)

The article presents the history of Soviet collecting in the context of the ideas and practices of the cultural revolution. Based on a wide range of sources, the article traces the main stages and forms of Soviet collecting and reveals its new meanings. The ideal of socialist collecting as a form of educational leisure was formed in Soviet times. According to the author, the main contradiction of Soviet practice of collecting was that being an object of control by the state it remained the only form of individual choice and freedom for collectors.

Keywords: Soviet Russia, cultural revolution, private collecting, practice of collecting, philately

Революционные события 1917 года, несомненно, стали рубежом, определившим российскую историю XX в. Дореволюционное частное коллекционирование, появившееся в России в процессе модернизации как новая культурная практика, прекратило свое существование в течение первых лет революции. Были национализированы по классовому принципу не только

известные дворянские и промышленно-купеческие собрания, составляющие до сих пор основу российских музейных фондов, но и все коллекции и библиотеки, представляющие интерес для государства.

В Пермском государственном краевом архиве в семейном фонде Теплоуховых, управляющих Строгановых в пермских имениях,

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2019

хранятся документы, касающиеся истории национализации в 1919 г. собрания Теплоуховых и передачи его в Пермский краеведческий музей. Это прежде всего письмо А.Ф. Теплоухова А.В. Луначарскому и Пермскому музейному совету о возвращении коллекций, книг и вещей, принадлежавших А.Ф. Теплоухову и находящихся в музее: «Вскоре после занятия г. Перми совет. войсками в село Ильинское приехали Завед. Пермским Научным Музеем А.К. Сыропятов и преподаватель Университета – Б.Н. Вишневский и по предъявлении мандата от Временн. Военно-Революц-го Комитета, увезли почти все имущество мое, хотя жена моя, не имея оснований опасаться каких либо репрессий, не эвакуировалась, как большинство в Сибирь за мной, мобилизованным в армию Колчака за полгода до этого...

Осенью 1920 г. я передал через жену проф. Генкелю письмо на имя Университета с просьбой принять меры к охране моих коллекций, завещанных мною еще в 1917 г. в некоторой части Пермскому Университету, но ответа на него не получил. Затем я обращался к т. Луначарскому с изложением всего, что произведено в отношении меня с просьбой: 1) сообщить – была ли это конфискация или национализация, 2) выдать все неподлежательно взятое, 3) выдать опись на все взятое имущество, 4) дать мне доступ на тех или иных условиях к рукописям, коллекциям и книгам, у меня отобранным, с целью закончить начатые мною науч. работы...

Жена моя просила оставить одну только любимую книгу, но и эта ее просьба не была удовлетворена: ни одной книги в доме не было оставлено» (Государственный архив Пермского края, далее – ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807. Л. 1–3).

На запрос от Главнауки был получен ответ, очень показательный для характеристики тех изменений в отношении коллекционеров и коллекционирования, которые происходили в стране в этот период: «Всецело присоединяюсь к мнению Завед. Пермским Гос. Музеем А.К. Сыропятова о необходимости оставления бывших теплоуховских коллекций в руках Гос-ва, в стенах Пермского Музея, работники которого вывезли ее, брошенную на произвол судьбы в селе Ильинском, в Пермь еще в 1919 г. Требование бывш. владельца о возвращении ему культурных ценностей, собранных его предками, вызывает лишь удивление, т.к. именно теперь эта коллекция мирового значения и огромной цен-

ности казалось бы не должна быть под спудом и находиться в селе, удаленном от путей сообщения; собраниям этим место по крайней мере в губернском центре и университетском городе каковым сейчас является Пермь».

Бывший Завед. Перм. Музеем, проф. Казан. педагог. Института и преподаватель Университета Б. Вишневский. Сентябрь 1922 г. (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807. Л. 5).

Очень немногие дореволюционные коллекционеры, в том числе и передавшие государству свои собрания, а иногда и целые музеи, смогли остаться при них в качестве хранителей. Судьба большинства из них достаточно трагична, как в случае основателя музея в Иваново-Вознесенске Д.Г. Бурылина. После национализации музея в 1917 г. Дмитрий Геннадьевич работал хранителем и экскурсоводом, но в 1923 г. был обвинен в укрытии вещей, принадлежащих музею, отстранен от должности и умер 13 сентября 1924 г., не пережив этих событий [3, с. 85].

Итак, с прежним частным коллекционированием было покончено как с аристократической и буржуазной забавой и укрывательством от широких масс культурных ценностей, в забвении оказались и имена коллекционеров до конца 1980-х гг.

«На обломках» дореволюционного коллекционирования начиная с 1921 г. появляются новые, советские, практики коллекционирования, наполнявшиеся другими смыслами и формами. Кстати, в ходе национализации частных собраний рушились и определенные мифы об усадебных и дворцовых сокровищах: «Когда-то хотелось верить, что будущему суждено обнаружить в недрах наших дворцов и усадеб много безвестных сокровищ искусства, накопленных веками. Возможность открытий казалась правдоподобной, ввиду отчужденности России от художественной жизни Европы, неисследованности ее художественных богатств и малочисленности сведущих людей. Но вот заветные палатки открылись и миф о хранимых в них сокровищах рассеялся. Если не считать главнейших собраний России, содержание которых было и прежде известно и частью опубликовано, как например коллекции Юсупова, Строганова, Д.И. Щукина, Звенигородской, И.С. Остроухова и некоторых других, то национализация, среди безбрежной массы хлама, не дала нашим музеям ни одной первоклассной вещи, обогатив их лишь несколькими десятками вещей среднего музейного достоинства» [16, с. 1].

Не вступая в научную дискуссию о хронологических границах культурной революции, необходимо подчеркнуть, что истории советского коллекционирования, ее особенностям, в большей степени соответствует характеристика, данная в работе «Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» (2000) Шт. Плаггенборгом: «...Единого, принятого в государственном порядке и точно рассчитанного культурного плана не существовало ни в мыслях, ни на практике. Культурный дискурс был значительно более многогранным, чем считалось в науке до сих пор, и он не ограничивался вопросами образования и искусства» [11, с. 322]. Когда вчитываешься в документы, связанные с первыми шагами советского коллекционирования, хорошо видно отсутствие единого плана. Более того, в деятельности лиц, оказавшихся непосредственно причастными к появлению нового, советского, дискурса коллекционирования, в какой-то степени проявляется фактор случайности.

Поворот от политики «военного коммунизма» к НЭПу и культурной революции в 1923 г. исследователи, как правило, связывают с работой В.И. Ленина «О кооперации». В этой статье условием развития социализма в стране называется та степень цивилизованности населения, которая позволит «заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях... Но для того, чтобы совершить это “только”, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [8, с. 373].

«Культуру требовалось осваивать точно так же, как целинные земли или иностранные технологии» [15, с. 99]. Определяя, что же именно предстояло освоить в культуре советским людям, Ш. Фицпатрик выделяет три основных уровня: «На первом уровне находились культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол – и элементарная грамотность, все еще отсутствовавшая у значительной части населения Советского Союза. В результате задача советской цивилизующей миссии формулировалась в тех же самых выражениях, что и задача миссии европейских наций в отношении отсталых туземных народов, хотя следует отметить, что в СССР к “отсталым элементам” относились и российские крестьяне. Второй уровень культуры, требовавший знания таких вещей, как правила поведе-

ния за столом, в общественных местах, обращения с женщиной и основы коммунистической идеологии, считался обязательным для каждого городского жителя. Третий, содержавший элементы явления, получившего когда-то название “буржуазной” или “мещанской” культуры, представлял собой культуру этикета: хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда, некоторая способность разбираться в таких высококультурных предметах, как литература, музыка и балет. Предполагалось, что таков должен быть уровень культуры правящего класса, представителей новой советской элиты» [15, с. 99].

Важно отметить, что практики коллекционирования оказались вписанными во все три уровня освоения культуры. Одной из ключевых задач культурной революции была задача ликвидации неграмотности. В 1921 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности Ф.Г. Чучин обращается во все возможные инстанции с проектом об установлении государственной монополии на торговлю филателистическими материалами внутри страны и за ее рубежами и об обращении доходов от государственной филателистической торговли на усиление борьбы за ликвидацию неграмотности. Не добившись поддержки, Ф.Г. Чучин передает свой документ через Н.К. Крупскую Ленину. И далее этот проект, утвержденный Лениным с рекомендацией провести его декретом, а также распространить на боны и приурочить к помощи детям, выходит уже в виде Постановления Центральной Комиссии помощи голодающим при ВЦИК: «В целях представления возможности всему населению принять активное участие в оказании помощи голодающим и исчерпывания всевозможных источников для оказания этой помощи, Центральная Комиссия помощи голодающим при ВЦИК постановила:

1. Призвать все население РСФСР начать сбор и немедленно пожертвовать в пользу голодающих через ближайшее государственное учреждение все почтовые марки с писем, бандеролей и т.п., как в отдельных экземплярах, так и целыми сериями и коллекциями, для обмена их на хлеб и другие продукты за границей.

2. Предложить всем государственным и общественным учреждениям и предприятиям под наблюдением и за ответственностью местных комиссий Помгола открыть прием и организовать сбор почтовых марок для отсылки их в

адрес Уполномоченного ЦК Помгола по марочным пожертвованиям.

3. Возложить на специальный аппарат обязанность привести в ликвидное состояние и реализовать за границей весь пожертвованный филателистический материал, а на вырученные от этого средства закупить продовольствие для населения голодающих районов, доставив его срочно по назначению.

4. Назначить уполномоченным по марочным пожертвованиям от ЦК Помгола в России и за границей – тов. Чучина, обязав его в срочном порядке опубликовать инструкцию комиссии ЦК Помгола по проведению в жизнь настоящего постановления» [4].

По всей стране рассылается инструкция о сборе почтовых марок, подготовленная Ф.Г. Чучиным, проходят соответствующие кампании в поддержку советской филателии. Так, например, 19 августа 1922 г. проводится первый День филателии, а с сентября 1922 г. начинает выходить ежемесячный журнал «Советский филателист», который в 1925 г. будет переименован в «Советский коллекционер». В первом номере журнала были опубликованы сформулированные Ф.Г. Чучиным задачи советской филателии:

«1. Очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы коллекционеров-коммерсантов, филателистов-торговцев, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов-мародеров и просто разных проходимцев-невежд и постепенно – по мере наших сил и возможностей – возведение ее в степень самостоятельной науки.

2. Посильная разработка и освещение отдельных проблем этой молодой кандидатки в науки, широкая популяризация и пропаганда филателистических идей и выяснение прикладного ее значения в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношениях.

3. Использование филателии – как средства пропаганды идей Великой Революции и приобщение РСФСР в филателистическом отношении к наиболее передовым буржуазным странам Европы и Америки.

4. Организация русских филателистов вокруг нашего журнала и удовлетворение потребностей идейных филателистов-коллекционеров.

5. Всемерное содействие проведению в жизнь строгой монополии во внешней торговле материалами и принадлежностями филателии исключительно в целях улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом на-

селения, равно наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из РСФСР филателистического товара» [18, с. 3–4].

Таким образом, коллекционирование ставится под контроль государства. Если в 1917 г. в ходе национализации частные собрания становятся государственной собственностью, а коллекционирование рассматривается как пережиток прошлого, то начиная с 1921 г. происходит своего рода реабилитация практик коллекционирования. С одной стороны, монополия государства на международную торговлю предметами коллекционирования позволяет решать экономические задачи, получать валюту и закупать необходимые товары. Планируемая Ф.Г. Чучиным сумма в 10 млн. рублей золотом при продаже собранных 350 млн. марок не была получена, но, тем не менее, за период 1922–1927 гг. удалось продать марок иностранным и советским коллекционерам на 250 тысяч червонных рублей [14, с. 20]. С другой стороны, советское коллекционирование противопоставляется буржуазному и постепенно начинает рассматриваться как один из способов окультуривания масс. Потенциал филателии и новых форм коллекционирования в борьбе с безграмотностью и в идеологической работе привлекает внимание в связи с дискуссией вокруг так называемого «тематического коллекционирования». Нужно отметить, что в филателии до определенного времени коллекционирование марок велось по странам: чтобы собрать коллекцию определенного уровня, нужно было иметь редкие марки, вкладывать в коллекционирование финансовые средства. Именно против этих признаков «буржуазной филателии» выступает кружок юных филателистов из Златоуста в 1925 г. Письмо, присланное от имени кружка М.Я. Сюзюмовым в редакцию журнала «Советский коллекционер», была напечатано и поддержано Ф.Г. Чучиным, по сути, как программный документ:

«Что и как собирать? Платформа златоустовского кружка юных филателистов: Обычно собирают марки по странам. Специализируются, напр., на Европейских странах и т. д. При этом каждый стремится собрать по возможности все марки страны, все серии, все разновидности, все опечатки, причем с особой гордостью отмечают редкости. Качество альбома всегда при этом способе коллекционирования прямо пропорционально количеству вложенных средств. Для буржуазии это имеет смысл. Для нас это бессмысленно.

Помимо этого, при бешеном темпе нашей жизни, при перегруженности всех учащихся учебной и общественной работой мы не имеем досуга, чтобы копаться в зубчиках, водяных знаках, утонченности марок, качестве бумаги. У нас нет времени, чтобы ухаживать за марками, как старая дева за кошками, купать их, отмывать бензином, сушить, смывать гуммировку и т. д. Самого стремления к редким курьезам, сдвигам, опечаткам мы совсем не понимаем. Вообще многое в буржуазной филателии кажется нам чуждым для психики людей нашего времени. Вся эта филателия полноты коллекции, погони за редкостями, ненормальностями и уродствами – по нашему мнению – носит все характерные черты психики рантье. Наше главное положение: марка не есть только «знак почтовой оплаты», марка прежде всего исторический документ эпохи. Филателист – это собиратель исторических документов, подлинных настоящих свидетелей эпохи. Это такой же собиратель, как историк, собирающий древние манускрипты. Марка ценна постольку, поскольку она богата содержанием. Не редкость, а богатый содержанием документ. Мы сознательно переходим к собиранию таких марок

Что значит, когда начинающий ищет рисунок на марке? Это бессознательное стремление к содержанию. Начинающий, не искушенный в филателистической схоластике, по требованию здравого смысла, ценит именно содержание, а не редкость марки. Марка выпущена в сотне экземпляров, ходила три дня, но если на ней нарисована всего одна ничего не говорящая цифра, если она ни о чем не говорит и самый факт выпуска ее ни с каким событием не связан, мы просто выкидываем такой хлам, не устаивая его наших альбомов.

Мы составляем наши альбомы так:

Первобытное общество (какую красивую и полную характеристику могут дать, например, французские колонии).

Кочевое общество, скотоводство (тоже франц. колонии).

Какую красочную страницу феодализма могут дать некоторые немецкие марки (например, рисунки рыцарей, замков, готических соборов).

Какие дивные страницы даст «Эпоха открытий». Марки с Колумбом, португальские – с Васко де Гама, капитаном Куком и т. д.

Затем – «Развитие капитализма» с подразделениями: а) техника, б) пути сообщения, в) классы.

Из новых марок как легко составить страницы «Экономические предпосылки капитализма», «Балканская война». А «Мировая война»! Какую яркую картину можно составить, начиная от марок убийства эрц-герцога, вплоть до благотворительных в пользу инвалидов. А как красиво выглядят страницы «Версальского мира» или же «Эпоха инфляции и денежных реформ после Версаля»!

Имеет ли смысл для нашей коллекции знаменитая марка Маврикия? Никакого. Она ни о чем не говорит. А вот дешевая марка Мадагаскара, где, обливаясь потом, несчастные негры на плечах тащат гордого француза! Эту марку мы ценим. Ведь это живой документ наглого циничного империализма. Такие марки мы собираем.

Филателия должна покончить с методами «кунсткамеры» Петра I-го, где собирались все уродства, раритеты, невиданные диковинки. Конечно, и разнородность зубчиков, и водяные знаки, и качество бумаги, и краски имеют значение, но лишь для экспертизы, для определения подлинности марки. Этим пусть занимаются единицы – знатоки, профессора филателии.

Наши тезисы:

1. Марка (не каждая) – подлинный исторический документ эпохи.

2. Собирать нужно только марки – документы эпохи, а не простые знаки почтовой оплаты.

3. Необходимо отбросить фетишизм редкостей, ненормальностей, сдвигов, курьезов, раритетов. Это – филателия рантье. Количество зубчиков, водяные знаки, гуммировку, качество бумаги предоставить экспертам.

4. Собирать нужно не по странам, а по темам историко-политико-экономическим, вроде «Версальского мира», «Империализма» и т. д. Можно взять в качестве темы историю отдельной страны, но это будет «история страны в марках», а не «история выпусков знаков почтовой оплаты страны», во что в лучшем случае вырождается буржуазная филателия.

5. Только такой метод собирания годен для среднего филателиста. Этот метод более интересен и лучше выявит положительные качества филателистов, так как по этому методу лучший альбом будет не у самого богатого коллекционера, а у того, кто сумеет лучше оценить марку как документ эпохи и лучше сделать подбор марок по темам» [17, с. 4–5].

Таким образом, тематический принцип коллекционирования становится ключевым для советского собирательства, распространяясь из

филателии и на другие сферы коллекционирования – бонистику, филократию, филумению, библиофильство. Тематический принцип, с одной стороны, позволял использовать собранные коллекции в агитационной работе и образовании, поскольку темы отражали советскую историю, противостояние СССР и капиталистических стран. В этом отношении авторы «Златоустовской платформы» оказались новаторами, в условиях катастрофической нехватки литературы и наглядных пособий для образовательной и идеологической работы, М.Я. Сюзюмов, заведующий школой II ступени из Златоуста, не просто сам начинает использовать марки и боны в обучении, но и широко пропагандирует этот метод в публикациях методического характера¹.

Тематический принцип также позволял «избавить» коллекционирование от привязки к финансовым возможностям собирателя. В «Златоустовской платформе» противопоставляется буржуазное коллекционирование, как собирательство редкостей, где качество собрания зависит от вложенных средств, советскому коллекционированию, для которого значение коллекции определяется выбором интересной и значимой темы, полнотой ее раскрытия в собрании, а не количеством уникальных экспонатов. Тем самым, менялись смыслы коллекционирования: от коллекции как материального сокровища к социалистическому коллекционированию как познавательному и воспитательному досугу.

Характер прежнего коллекционирования предполагал наличие свободного времени, необходимого для поиска новых предметов коллекции, их изучения, погружения в коллекционирование как особую практику и даже в какой-то степени психологическую зависимость коллекционера от своего увлечения. Всей

этой «психологии рантье» в советском коллекционировании противопоставлялись доступные и массовые виды собирательства. Не случайно, что новые принципы советского коллекционирования были первоначально сформулированы на материале филателии, а потом распространены на другие виды собирательства. Марки, прежде всего гашеные, были доступны всем, таким образом, можно было пропагандировать массовые практики коллекционирования. Утверждение, что «в СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет» [17, с. 4–5], соответствовало в целом идеям коллективного характера не только труда, но и досуга.

Второй уровень освоения культуры, по Ш. Фицпатрик, обязателен для любого городского жителя и связан с новыми типами досуга, противопоставлявшимися в качестве культурных практик широко распространенному пьянству и прочим формам девиантного поведения. Занятия спортом, туризм и коллекционирование, включая собирание библиотек, не просто приветствовались, но всячески пропагандировались, в том числе в рабочих коллективах. В публикациях в журнале «Советский коллекционер», возобновившемся с 1963 г. по инициативе Московского городского общества коллекционеров, часто приводятся примеры деятельности коллекционеров, широко использующих свою коллекцию для ведения общественной работы на производстве. Репрезентация ключевых событий и имен советской истории в марках, открытках, медалях позволяла коллекциям выступать в той же контролирующей и вездесущей роли, что и «запечатленное в статях и портретах, оттиснутое в металле, выложенное из цветов, вытканное на полотне, изображенное на фарфоре, лицо Сталина» [6, с. 284].

Возможно, первым примером подобной визуализации власти в филателии является история появления марки с портретом Ленина в детстве: «...Шел 1926 год. По инициативе М.И. Калинина Наркомпочтель предпринял выпуск серии почтово-благотворительных марок “В помощь беспризорным детям” (№№245–248). Часть их номинальной стоимости предназначалась для пополнения фонда имени В.И. Ленина. Контроль над художественным оформлением серии был возложен на Деткомиссию ВЦИК. Предполагалось, что на обеих марках серии будут изображены советские дети. Все шло хорошо, и только после того, как тираж серии был готов, выяснилась неприглядная подробность.

¹ Каким образом будущий основатель уральской школы византиноведения М.Я. Сюзюмов пришел к филателии и коллекционированию в условиях невозможности заниматься научной работой описано в статье В.В. Сашанова [12]. Биография М.Я. Сюзюмова отражает и непростое отношение государства к коллекционированию, особенно в 1930-е гг. Так, в 1935 г. Сюзюмов был арестован по обвинению в контрабандной торговле и обмене марками с зарубежными странами, в его коллекции насчитывалось к этому времени более 100 тыс. марок, которые были конфискованы, а сам Михаил Яковлевич, назвавший себя «интегральным коллекционером», был приговорен к трем годам лишения свободы.

На марке 20-копеечного достоинства оказался не обобщенный образ ребенка, а вполне конкретный портрет... сына одного из руководящих работников Деткомиссии. ...Раз возникла мысль о портрете конкретного ребенка, Михаил Иванович предложил достойный выход. На новой марке серии был впервые воспроизведен портрет Володи Ульянова в четырехлетнем возрасте (по малоизвестной в то время фотографии Е. Закржевской)» [10, с. 12–17].

С формированием новой советской элиты Ш. Фицпатрик связывает освоение (по сути, присвоение) третьего уровня культуры, ориентированного на жизненный стиль дореволюционной элиты. Как в XVIII в. в процессе формирования российского дворянства на европейский манер свою роль в привитии светских манер, хорошего вкуса и владения языком искусства сыграло коллекционирование, так и с конца 1920-х – начала 1930-х гг. вместе с привилегиями в виде дач и квартир появляется интерес к антиквариату и произведениям искусства. Так, например, вместе с появлением писательских паек в 1931 г. «писатели заводят знакомства с антикварами, обставляют жилье мебелью с дворцовых распродаж» [5, с. 382].

Безусловно, далеко не каждого представителя советской элиты можно отнести к коллекционерам, но поддерживая антикварный рынок и рынок искусства, позволяя ему сохраняться, пусть и в ограниченном виде, советская элита тем самым невольно поддерживала коллекционеров искусства и антиквариата, в советское время постоянно лавировавших на грани законности. О таких коллекционерах 1930-х гг. сведения очень ограничены. Но в послевоенный период, особенно с 1960-х гг., в Москве и Ленинграде коллекционеры участвовали в том числе и в сохранении неофициального искусства.

Так, А. Амальрик публикует в 1978 г. в Париже статью «Художники и коллекционеры в Москве», которая написана по материалам, подготовленным по заказу Агентства печати «Новости» в 1967 г. Автор дает интересную характеристику коллекционеру в советском обществе: «В обществе, лишенном частной собственности, фигура коллекционера приобретала зловещие черты пушкинского скупого рыцаря, который прячет свои сокровища в подвале, чтобы в одиночестве наслаждаться ими при колеблющемся свете свечей» [1, с. 82].

А. Амальриком были подготовлены статьи о московском клубе коллекционеров, он пи-

сал о Якове Рубинштейне, Петре Данилове и Борисе Денисове, «коллекционерах не столь известных и не вызывающих никаких опасений у властей». Писатель вспоминал: «Затем я хотел писать о более противоречивых фигурах – Георгии Костаки, собиравшем русскую живопись первой трети нашего века, Нине Стивенс, имевшей в то время наиболее полное собрание современных неофициальных художников, и Феликсе Вишневецком. Его коллекция, включающая русскую и европейскую живопись, мебель, фарфор, драгоценности, – уникальна. Вспоминаю, как мы с ним полдня ходили по его огромному дому, он завел меня в крошечный уголок, отгороженный шкафом, где он спал – над его кроватью висела картина Кранаха. Однако мне не пришлось больше ни о ком писать: внезапно АПН возвратило мне мои статьи о коллекционерах» [1, с. 83].

Вместе с тем, статьи о коллекционерах, подготовленные А. Амальриком, по сути, выступают в роли источника и дают возможность охарактеризовать те препятствия, которые, по мнению автора, мешали более широкому развитию коллекционирования в СССР, а именно малочисленность коллекционеров, жилищный кризис и отсутствие высоких доходов и, в этой связи, специфику отечественного собирательства. «Кроме того, среди людей со сравнительно высокими заработками почти нет моды на живопись, а уверенность в завтрашнем дне и, напротив, неуверенность в искусстве не заставляет смотреть на картины как на надежное помещение средств. Это имеет ту хорошую сторону, что у нас собирательство носит поэтому гораздо более чистый и некоммерческий характер, чем на Западе», – отмечал А. Амальрик [1, с. 88].

Таким образом, в годы культурной революции тема советского коллекционирования стала одним из дискурсов, связанным с формированием новой социальной идентичности, «игрового поля», где люди усваивали «правила игры» городской жизни [6, с. 282]. Размышляя об уникальности и комплексности культурной политики советского времени, И. Глушенко пишет: «Распространяя определенные культурные нормы на общество в целом, советское государство тем самым совершало работу по тотальной унификации культурных практик, через эту унификацию стремясь достичь преодоления сословных различий, типичных для традиционного общества. Говоря языком самих коммунистических идеологов, победивший

пролетариат не столько навязывал свои нормы старому обществу, сколько, наоборот, присваивал себе культурное наследие побежденных классов» [2, с. 260].

Практики коллекционирования, будучи подобным наследием побежденных классов, поддерживались и контролировались государством в связи с возможностями их массового распространения в качестве средства пропаганды ключевых этапов советской истории.

Новые смыслы коллекционирования рождались в постоянном противопоставлении прежнему, дореволюционному коллекционированию. Так, в 1972 г. в «Советском коллекционере» была опубликована статья П. Скаткина, посвященная терминам коллекционирования, в которой автор, проанализировав словари и энциклопедии, отмечает: «Почему оказалось возможным его освещение на уровне прошлого столетия, без учета огромных изменений, которые произошли в советский период в этой области культуры?» [13, с. 93]. И далее предлагает новое значение коллекционирования как «целенаправленного собирания, изучения, систематизации предметов материальной и духовной культуры или объектов природы и оформление их в коллекцию определенного содержания, предназначенную для личного или общественного использования. Коллекционирование является одним из видов общественно полезной деятельности, сочетающим разумный отдых с расширением культурного и общеобразовательного кругозора трудящихся и особенно молодежи, а также методом научных исследований в различных областях науки» [13, с. 93].

Общественно полезная деятельность связывалась прежде всего с коллективными формами коллекционирования, участия в общественных объединениях коллекционеров, приветствовались и пропагандировались также примеры коллекционеров, собирающих, например, библиотеки – не только для себя, но для использования другими людьми, на производстве.

Но коллекционирование по своей сути индивидуализировано. В основе деятельности коллекционера лежит стремление не просто собрать коллекцию по тематическому или какому-то другому принципу, но также иметь в собрании редкие или недостающие для полноты коллекции экземпляры. Ни за какими лозунгами невозможно было скрыть основных мотивов, по которым коллекционеры вступали в соответствующие их увлечению общества: «Некоторые

рассуждают так: “Я вступил в Общество и аккуратно плачу членские взносы. За это Общество обязано обеспечить меня абонементом на преимущественное снабжение марками и предоставить возможность регулярных встреч с товарищами с целью обмена”. К сожалению, подобный взгляд очень живуч» [9, с. 10–11]. Точно так же в обществе тотального дефицита невозможно было уберечь коллекционирование от существования несанкционированного государством рынка – как антикварного, так и в целом коллекционерского: «Хорошо известно, что чистой филателистической страсти иногда сопутствуют и некоторые отрицательные явления, возникающие у коллекционеров на базе стремления к пополнению своих коллекций. Не секрет, что кое-где подвизаются люди, пытающиеся использовать филателию как средство стяжательства и наживы, спекулирующие так называемыми “редкостями” и “модными” марками. Об этом свидетельствуют судебные процессы над злыми спекулянтами, промышленявшими почтовыми марками и другими филателистическими материалами» [7, с. 10–11].

Следование тематическому принципу коллекционирования само по себе, как правило, не приводило к высокому качеству коллекций без возможности обмениваться с коллекционерами из зарубежных стран или наличия доступа к редким коллекционным материалам. Так, в «Советском коллекционере» после Всемирной филателистической выставки 1962 г. отмечалось: «Увлеченные количеством, мы часто упускаем из виду качество коллекции. Ошибочность этой тенденции показала Всемирная филателистическая выставка “Прага 1962”. По количеству представленного материала советские коллекционеры заняли на ней видное место. Но качество коллекций оказалось недостаточно высоким, а содержание некоторых из них – поверхностным. Высшие награды за коллекции русских, советских и даже “космических” марок присуждены иностранным коллекционерам» [9, с. 11].

Коллекционирование в советское время стало массовым, судя, например, по изменению состава Всероссийского общества филателистов. Так, в 1924 г. в списке действительных членов Всероссийского общества филателистов насчитывалось 104 человека, в 1963 г. – «около 200 тысяч коллекционеров, объединенных в значительной части более чем в ста городских и областных обществах» [9, с. 10]. Этот массовый

характер носили прежде всего такие виды коллекционирования, как филателия, нумизматика, бонистика, филократия, филлумения, библиофильство. Именно эти виды собирательства нашли отражение в сборниках «Советский коллекционер», научно-популярной литературе, посвященной коллекционированию в целом и отдельным коллекционерам в частности.

Однако наряду с массовыми практиками коллекционирования, которые имели тенденцию к стандартизации и управляемости со стороны государства, через всю советскую историю прошли и формы более индивидуализированного коллекционирования. Коллекционирование антиквариата, а тем более картин запрещенных художников, как русского авангарда, так и неофициального искусства, если и находило отражение в советских средствах массовой информации, то только в осуждающих материалах о спекуляциях и наживе.

Таким образом, частное коллекционирование в советскую эпоху было, в конце концов, признано властью как дополнение к государственному – галерейному и музейному коллекционированию по аналогии с личным подсобным хозяйством в колхозно-совхозной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амальрик А. Художники и коллекционеры в Москве // Ковчег. Литературный журнал. 1978. № 2. С. 81–95.
2. Глущенко И.В. Осторожно, время замедляется // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 260–265.
3. Додонов А.А. Дмитрий Геннадьевич Бурлин. Иваново: «Иваново», 1997.
4. Известия ВЦИК. 1922. № 72. 30 марта.
5. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа», 2005.
6. Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: веги историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 250–328.
7. Кренкель Э.Т. Подлинно массовое движение // Советский коллекционер. 1966. № 4. С. 10–11.
8. Ленин В.И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 369–377.

9. Лепешинский Л. Активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся // Советский коллекционер. 1963. № 1. С. 7–12.
10. Милькин М. М.И. Калинин и советская филателия // Советский коллекционер. 1972. № 10. С. 12–17.
11. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000.
12. Сашанов В.В. «Интегральный коллекционер», или прерванный путь в науку: М.Я. Сюзюмов в 1920-е – 1930-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 139–145.
13. Скаткин П. Словари и энциклопедии о коллекционировании // Советский коллекционер. 1972. № 10. С. 88–94.
14. Стальбаум Б. Ленин. Дети. Филателия // Советский коллекционер. 1970. № 8. С. 3–22.
15. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.
16. Хуссида М. Разочарование // Среди коллекционеров. 1921. № 5. С. 1–4.
17. Что и как собирать? Платформа Златоустовского кружка юных филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 5. С. 4–5.
18. Чучин Ф.Г. Наши задачи // Советская филателия. 1922. № 1. С. 3–4.

REFERENCES

1. Amal'rik, A., 1978. Khudozhniki i kollektionery v Moskve [Artists and collectors in Moscow], Kovcheg. Literaturnyi zhurnal, no. 2, pp. 81–95. (in Russ.)
2. Glushchenko, I.V., 2013. Ostorozhno, vremya zamedlyaetsya [Caution, time slows down]. In: Glushchenko, I.V. and Kurennoi, V.A. eds., 2013. Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, pp. 260–265. (in Russ.)
3. Dodonov, A.A., 1997. Dmitrii Gennad'evich Burylin [Dmitry Gennad'evich Burylin]. Ivanovo: «Ivanovo». (in Russ.)
4. Izvestiya VTSIK, no. 73, March 30, 1922. (in Russ.)
5. Kozlova, N.N., 2005. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii [Soviet people. Scenes from the history]. Moskva: Izdatel'stvo «Evropa». (in Russ.)
6. Kotkin, S., 2001. Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi «Magnitnaya gora: Stalinizm kak tsivilizatsiya») [Speaking Bolshevik (from «Magnetic mountain: Stalinism as a civilization»)]. In: Amerikanskaya

rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2001, pp. 250–328. (in Russ.)

7. Krenkel', E.T., 1966. Podlinno massovoe dvizhenie [Genuine mass movement], Sovetskii kollektzioner, no. 4, pp. 10–11. (in Russ.)

8. Lenin, V.I., 1970. O kooperatsii [On cooperation]. In: Lenin. V.I., 1970. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 369–377. (in Russ.)

9. Lepeshinskii, L., 1963. Aktivno uchastvovat' v kommunisticheskom vospitanii trudyashchikhsya [Actively participate in the communist education of workers], Sovetskii kollektzioner, no. 1, pp. 7–12. (in Russ.)

10. Mil'kin, M., 1972. M.I. Kalinin i sovetskaya filateliya [M.I. Kalinin and Soviet philately], Sovetskii kollektzioner, no. 10, pp. 12–17. (in Russ.)

11. Plaggenborg, S., 2000. Revolyutsiya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma [Revolution and culture: cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism]. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva». (in Russ.)

12. Sashanov, V.V., 2015. «Integral'nyi kollektzioner», ili prervannyi put' v nauku: M.Ya.

Syuzumov v 1920-e – 1930-e gg. [«Integral collector» or a difficult path to academic research: M.Ya. Syuzumov in the 1920s and 1930s], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 4, pp. 139–145. (in Russ.)

13. Skatkin, P., 1972. Slovari i entsiklopedii o kollektSIONIROVANII [Dictionaries and encyclopedias on collecting], Sovetskii kollektzioner, no. 10, pp. 88–94. (in Russ.)

14. Stal'baum, B., 1970. Lenin. Deti. Filateliya [Lenin. Children. Philately], Sovetskii kollektzioner, no. 8, pp. 3–22. (in Russ.)

15. Fitzpatrick, S., 2008. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

16. Khussida, M., 1921. Razocharovanie [Disappointment], Sredi kollektSIONEROV, no. 5, pp. 1–4. (in Russ.)

17. Chto i kak sobirat'? Platforma Zlatoustovskogo kruzhka yunikh filatelistov [What to collect and how? Platform of the Zlatoust circle of young philatelists], Sovetskii kollektzioner, no. 5, 1925, pp. 4–5. (in Russ.)

18. Chuchin, F.G., 1922. Nashi zadachi [Our tasks], Sovetskaya filateliya, no. 1, pp. 3–4. (in Russ.)